

Реакция и последовавшие действия

Вскоре после публикации доклада в марте 2016 года правительство Уэльса одобрило ключевые рекомендации и перешло к их реализации. Этот доклад обсуждался в Национальной ассамблее Уэльса (однопалатном парламенте) и получил широкую поддержку со стороны представителей всех политических партий. Был запущен процесс ширококомандных консультаций.

В январе 2017 года было объявлено о создании нового единого регулирующего, надзорного и координирующего органа в сфере послешкольного образования. Этот орган будет отвечать за финансирование всех учебных заведений выше школьного уровня и науки, а также за обеспечение качества. На этот орган, получивший название «Комиссия по высшему и среднему профессиональному образованию и науке», возложена задача сделать образовательную систему более согласованной и учитывающей интересы студентов и общества.

Доклад Towards 2030 внес существенный вклад в понимание образования и его роли в обществе в XXI веке. Авторы доклада делают особый акцент на поддержке и наращивании регионального, социального, культурного и экономического развития и на стимулировании сотрудничества между вузами с целью улучшения институционального и национального потенциала, а также конкурентоспособности. В первую очередь авторы подчеркивают необходимость обеспечить возможность гибкой образовательной траектории для всех учащихся вне зависимости от их происхождения и возраста, для того чтобы они могли продвигаться внутри образовательной системы на протяжении всей жизни. Признание того факта, что все образовательные учреждения — и государственные, и частные — являются частью «согласованной системы», а не просто индивидуальными и эгоцентричными организациями, важно само по себе. Наконец, оперативно одобрив принцип и рекомендации, перечисленные в докладе, правительство Уэльса сделало значимый шаг в сторону от рыночного подхода, который правительство Соединенного Королевства применяет в Англии.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.92.10221>

.....

Параллели между введением английского как языка обучения и развитием информационных технологий в японском высшем образовании

Аннет Брэдфорд, Говард Браун

Аннет Брэдфорд — доцент Школы делового администрирования Университета Мэйдзи (Токио, Япония). E-mail: bradford@meiji.ac.jp.

Говард Браун — доцент факультета международных исследований и регионального развития Университета префектуры Ниигата (Ниигата, Япония). E-mail: brown@unii.ac.jp.

В Японии, как и во многих других странах, преподавание на английском является элементом усилий по интернационализации сектора высшего образования, привлечения иностранных студентов и развития в студентах навыков международной коммуникации. Переход на английский получает существенное государственное финансирование и внимание и постепенно приобретает если не и ключевое, то, безусловно, важное значение в высшем образовании. Однако распространение преподавания на английском происходит не без трудностей, которые, впрочем, нельзя считать специфическими исключительно для текущего этапа интернационализации. По-видимому, это просто очередное проявление давних структурных проблем, свойственных японскому высшему образованию. Когда в 1990-х годах продвигалось использование информационных технологий (ИТ) в образовании, эффективность этого процесса тоже была снижена из-за бюрократических процедур, слабого технического сопровождения и сопротивления новому. С подобными трудностями сталкивались все, кто занимается внедрением английского как языка обучения. Между этими процессами можно провести параллели, поэтому, изучая опыт внедрения ИТ, можно мельком подглядеть, куда движется языковой процесс, и понять, какие структурные изменения следовало бы сделать.

Разительные параллели

Первая параллель связана с контекстом внедрения. В ходе ИТ-революции стимулом к инновациям было ощущение кризиса, отставания Японии в информационно-технологической гонке и срочной необходимости нагнать упущенное. Со стороны потенциальных

работодателей был спрос на выпускников, обладающих навыками в IT, оригинальностью, индивидуальностью, изобретательностью, инициативностью и лидерскими качествами. Сейчас Япония стоит перед проблемами социальной глобализации, экономической стагнации и демографических изменений, и опять звучит риторика кризиса. Теперь бизнес-сообщество заинтересовано в людях, которые могут свободно конкурировать в международном контексте, обладают отличными коммуникационными навыками, понимают другие культуры и ценности, творчески подходят к работе, умеют действовать самостоятельно и могут стать глобальными лидерами.

Еще одна параллель просматривается в том, как устроен процесс внедрения изменений на национальном уровне. Когда началось распространение IT, начальный этап этого массового процесса финансировался за счет распределявшихся на конкурсной основе грантов, причем большинство ресурсов ушло в элитные университеты. Менее престижные университеты стали использовать информационные технологии позже и в меньшем объеме, у них не было четких предписаний или скоординированной стратегии. То же наблюдается и сейчас в рамках национальных программ поддержки Global 30 и Top Global, которые финансируют перевод преподавания на английский язык только в части престижных университетов, а большинство англоязычных программ реализуется без государственной поддержки и системного плана.

Третью параллель можно провести на институциональном уровне. Ранние инициативы по внедрению информационных технологий осуществлялись преимущественно под руководством преподавателей и на добровольных началах. Административные сотрудники, которым поручали руководить IT-проектами, не были специалистами в этой сфере, поэтому ощущалась заметная нехватка квалифицированного IT-персонала. В таких условиях преподавателям самим приходилось становиться IT-специалистами. Аналогичная ситуация наблюдается и сейчас. Поддержкой интернационализации и программ по внедрению английского как языка обучения занимаются административные сотрудники широкого профиля, многие из них работают по краткосрочным контрактам. Программами чаще всего руководят преподаватели, у которых ранее не было никакого или почти никакого опыта в этой области. Но за последние 10 лет они сами себя обучили и стали специалистами.

Четвертая параллель — это фокус на практической реализации, а не на интеграционных процессах. В случае с IT для вузов было важнее обеспечить наличие определенного количества компьютеров, а не продумать, как именно эти компьютеры облегчат образовательный процесс. Даже сейчас, два десятилетия после того, как ажиотаж вокруг внедрения IT прошел и имеется вся нужная инфраструктура, Япония по-прежнему отстает в вопросах практического использования информационных технологий в образовании.

Компьютеры и программное обеспечение в вузах широко доступны, но внимания тому, как обучать их использованию или разрабатывать соответствующие педагогические методики, уделяется мало. Подход к переходу на английский как язык обучения тоже строится на чрезмерно упрощенных предпосылках, на акцентировании количественных показателей (например, количества англоязычных курсов и уровня студенческой мобильности) и характеризуется отсутствием системности. Согласованность учебных планов, лингвистические, социальные и учебные потребности студентов, профессиональное развитие преподавателей — все это не получает должного внимания.

Еще одна параллель просматривается в том, как устроен процесс внедрения изменений на национальном уровне.

И наконец, самая важная параллель между внедрением IT и англоязычных курсов заключается в том, что оба процесса проходили в противовес общепринятой социальной структуре. Информационные технологии воспринимались как нечто дополнительное. Они стали всего лишь еще одним слоем, добавившимся к уже существовавшим административным и методическим практикам, а не импульсом к глубинным структурным изменениям в университетах и в общественной среде. Попытки подготовить новое поколение узкоспециализированных студентов, обладающих компьютерными навыками, шли вразрез с представлениями о том, что университеты на уровне бакалавриата должны заниматься подготовкой специалистов широкого профиля. Эти проблемы знакомы всем тем, кто сейчас работает над внедрением англоязычных курсов и программ, целью которых является воспитание ориентированной на международную среду молодежи. Эта цель противоречит доминирующей идее о значимости японской национальной идентичности. Министерство образования продолжает подчеркивать, что нравственное воспитание и глубокое понимание японских традиций и культуры являются обязательными условиями глобального образования. Это ведет к попыткам сделать студентов космополитичными, но не слишком оторванными от японских реалий. Преподавание на английском может стать центральным элементом японского высшего образования при условии таких изменений административных структур, педагогических подходов и институциональной культуры, которые бросят вызов его национальной идентичности. Понятно, что это будет происходить очень медленно.

Дальнейшие шаги

Оглядываясь на опыт IT-реформ, можно прийти к выводу о том, что основные помехи были результатом решений, принятых университетами в ходе разработки новых систем и принципов. Внедрение информационных технологий и их эффективная интеграция в деятельность вуза на институциональном уровне означали бы, что нужно провести глубинные изменения в культуре и системе управления вуза, а это пугающая перспектива. Альтернативный путь, а именно концентрация на поверхностных технических вопросах и на количественных показателях постепенного, факультет за факультетом, внедрения IT, был гораздо легче. И университеты пошли по простому пути. Планирование носило краткосрочный характер, а подход к решению проблем был реактивным. Из-за этого информационные технологии так и не реализовали до конца свой потенциал в области высшего образования. Коммуникационные технологии, управление информацией, дистанционное онлайн-образование — все эти сферы в японских университетах по-прежнему малоразвиты.

Но что же можно сказать о современных инициативах по введению англоязычного преподавания? Пока все признаки указывают на то, что мы движемся по тому же пути краткосрочного, пассивного процесса принятия решений. Через 20 лет англоязычные курсы будут там же, где сейчас IT: они станут обычным явлением в высшем образовании, но не смогут занять центральное место в университетской культуре и не будут достаточно в нее интегрированы. Если мы — те, кто занимается внедрением англоязычных курсов, — хотим именно этого, то мы идем верной дорогой. Но пока обучение на английском в Японии по-прежнему находится на этапе становления, университеты еще могут выбрать другой, более смелый путь. Когда англоязычные курсы полноценно интегрируются в университетскую жизнь, они смогут обеспечить интернационализацию высшего образования в Японии. Мы можем поучиться на опыте внедрения IT и поразмыслить о структурных изменениях, которые нужны не просто для успешной реализации англоязычных курсов, но и для их подлинной интеграции.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.92.9810>

Необходимые перемены в отборе абитуриентов в японских национальных университетах

Юкико Исикура, Тацуо Кавасима

Юкико Исикура — преподавательница, а Тацуо Кавасима — профессор и директор Центра изучения высшего образования и привлечения международных студентов (CHEGA) Университета Осаки, Япония. E-mails: ishikura@chega.osaka-u.ac.jp, tatsuo314@chega.osaka-u.ac.jp.

Так исторически сложилось, что набор в бакалавриат национальных университетов в Японии довольно автономен. Сотрудники каждой кафедры самостоятельно разрабатывают свои правила и критерии и самостоятельно отбирают абитуриентов. Работа приемных комиссий обычно ограничивается административными и управленческими функциями.

До недавнего времени основным критерием отбора в национальных университетах были письменные экзамены. Большинство абитуриентов сдают два письменных экзамена: сначала стандартизированный «тест Национального центра для поступающих в университеты» (далее — тест Национального центра), который проводится раз в году, в начале января, а затем — вступительный экзамен того университета, где они хотят учиться. Первый экзамен проверяет главным образом мышление и навыки письма. В целом оба экзамена нацелены на оценку учебных способностей (по-японски — гакурёку), приобретенных в старшей школе.

Эта ориентированность на гакурёку основана на убеждении, что высокий балл по гакурёку хорошо отражает знания, навыки, мотивацию и даже характер абитуриента. А при оценке гакурёку абитуриентов университеты полагаются на результаты письменных экзаменов. Этот показатель широко используется в ходе вступительных экзаменов в национальные университеты.

Стимул к переменам

Хотя университеты по-прежнему высоко ценят гакурёку как критерий отбора абитуриентов бакалавриата, в условиях современного информационного общества ожидается, что студенты овладеют целым спектром нужных в XXI веке навыков, например умением критически мыслить, решать задачи и навыками межкультурной коммуникации. В связи с этим определение гакурёку в последнее время претерпело некоторые изменения. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий (далее — MEXT)